

М.В. Осадчий

Исторические предпосылки установления дипломатических отношений между КНР и Республикой Корея

В последние годы наблюдается значительное повышение внимания к региону Северо-Восточной Азии (СВА) со стороны ученых-международников во всем мире. Это связано, в первую очередь, с увеличением влияния стран региона на формирование новой системы международных отношений, а также с такими вопросами, как «международная безопасность», «нераспространение ядерного оружия», «объединение корейских государств», «развитие регионального сотрудничества» и пр. Вместе с тем, в отечественной науке по международным отношениям уделяется недостаточное внимание данным проблемам. А те исследования, которые проводились в последние годы, не являются комплексными, и посвящены только какому-то одному из аспектов (чаще всего, экономическому). В данной статье будет рассмотрен ряд факторов, которые способствовали установлению официальных дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Корея.

С окончанием «холодной войны» в международных отношениях в СВА произошли заметные перемены. На первый план в межгосударственных отношениях выходят не традиционные для «холодной войны» вопросы идеологического противостояния, а стратегическая целесообразность и выгода. Вышесказанное характерно и для китайско-южнокорейских отношений конца XX – начала XXI в. Преодолев идеологические разногласия, а также сохранив status quo в отношениях со своими традиционными партнерами (КНР – КНДР, РК – США), Южная Корея и Китай нашли ту основу, которая стала отправной точкой развития нового стратегического партнерства в регионе.

Данная тенденция обусловлена теми значительными переменами, которые были характерны для внешней политики обеих стран, а также факторами, которые влияли на эти перемены.

Факторы, определившие изменение внешнеполитического курса КНР:

Пересмотр внешнеполитической доктрины КНР. В декабре 1978 года во время проведения 3-го пленума 11 созыва ЦК КПК было принято решение о смещении акцентов развития государства в сторону экономического построения, что явило собой вступление КНР в новый этап исторического развития. Наряду с регулированием внутривнутриполитического курса, в соответствии с изменениями международной обстановки, требованиями осуществления «четырех модернизаций», а также подготовки благоприятной внешней среды для проведения «политики открытых дверей» начала осуществляться соответствующая корректировка внешней политики. Уже в сентябре 1982 года на XII съезде КПК был зафиксирован фундаментальный сдвиг в данном направлении: был установлен более практичный, гибкий внешнеполитический курс, отличительными особенностями которого явились независимость и самостоятельная мирная внешняя политика. Это означало, что принципиально отвергалась возможность глобальной войны, а также подчеркивалась необходимость построения сбалансированных отношений со странами как капиталистического, так и социалистического лагерей [1].

В декабре того же года при принятии Всекитайским Собранием народных представителей (ВСНП) 5-го созыва действующей конституции в преамбуле было отмечено, что «Китай отстаивает независимую и самостоятельную внешнюю политику» [2]. Это означало, что Китай не будет вступать в различного рода союзы, не будет присоединяться к какой-либо из сторон для противостояния третьей стороне. В международных делах КНР на основе *своих* интересов будет принимать те либо иные действия, и занимать ту или иную позицию. В ракурсе данной внешнеполитической мысли Китай переходит ту «грань идеологического сходства и различия», которая превалировала в его внешней политике периода «холодной войны», и, на основе пяти принципов мирного сосуществования, начинает развивать партнерские отношения со странами мира [3].

Правительство КНР начинает уделять особое внимание построению добрососедского окружения вокруг страны, либо «пояса добрососедства», что подразумевало установление долгосрочных и дружественных отношений со странами-соседками.

Требования, связанные с экономическим развитием КНР. В результате решений, которые были приняты на 3-м пленуме 11 созыва ЦК КПК, Китай встал на путь открытости, на путь приобретения опыта других государств. И именно южнокорейская модель стала одним из прототипов для развития экономики КНР. Руководители КНР Ху Яобан (Hu Yaobang), Чжао Цзыян (Zhao Ziyang) и другие высказывались за «изучение и заимствование южнокорейского опыта в развитии экономики» [4].

Действительно, за короткий промежуток времени в 20 лет Южная Корея из нищей страны превратилась в финансового гиганта и одну из наиболее динамично развивающихся стран мира. И ее опыт в решении экономических вопросов заслуживал пристального внимания со стороны китайского руководства. Кроме того, при установлении дипломатических отношений для Китая становилось очевидным, что с помощью корейской стороны он мог получить технологическую и финансовую поддержку, которой так не доставало КНР. Еще в конце 1980-х годов ввиду необходимости продвижения «четырех модернизаций» и политики «открытых дверей» становился очевидным дефицит финансов и технологий. В то же время в результате событий на площади Тяньаньмэнь со стороны США и других стран Запада на Китай были наложены экономические санкции, что негативно сказывалось на открытой экономике страны. В такой ситуации китайское руководство особо рассчитывало на финансовую и технологическую поддержку со стороны Южной Кореи.

Общерегиональные тенденции. В означенный период происходит качественное изменение внутрирегионального взаимодействия, что было обусловлено переходом от одной парадигмы международных отношений, в основе которой лежали концепция и принципы геополитики, к иной, в основе которой лежали принципы геоэкономики. Однако КНР, не отказавшись полностью от геополитической парадигмы, основу которой составляла защита национальных интересов, понимаемых как нерушимость государственных границ, высокая обороноспособность, противодействие вмешательствам во внутренние дела, инкорпорировала данные элементы в «геоэкономическую парадигму», в рамках которой главным национальным приоритетом явилось «обеспечение высоких темпов экономического роста через интернационализацию хозяйственных связей» [5].

Улучшение отношений между Северной и Южной Кореей. В 1970-е годы наблюдается «глобальное политическое потепление», что не могло не сказаться на ситуации на Корейском полуострове. И Север, и Юг начали предпринимать попытки прорыва абсолютной изоляции. Первый контакт между Северной и Южной Кореей на официальном уровне состоялся в ходе

визита в Пхеньян директора ЦРУ Республики Кореи Ли Ху Рака (Li Hu Rak) 2–5 мая 1972 года и его переговоров с Ким Ир Сенем (Kim Il Sung). По результатам визита 4 июля 1972 года было опубликовано совместное заявление КНДР и РК, которое содержало три принципа объединения Кореи: во-первых, оно должно проходить самостоятельно, без вмешательства извне; во-вторых, объединение должно идти мирным путем; и, в-третьих, объединение корейского государства должно пройти на основе национальной консолидации.

Среди внешних факторов, которые оказали непосредственное влияние на изменение стратегии поведения Южной и Северной Кореи по отношению друг к другу, мы можем выделить следующие:

– «доктрина Никсона» (июль 1964 года), которая подразумевала невмешательство США во внутренние конфликты в Азии и ограничение своего военного присутствия на полуострове (в июне 1971 года был завершен вывод 20 тысяч американских военнослужащих из Кореи). Поэтому Сеул оказался перед необходимостью в большей степени самому решать вопросы собственной безопасности;

– нормализация отношений между КНР и США (визит Р. Никсона в Пекин и Шанхайское коммюнике в феврале 1972 года), а также между КНР и Японией (29 сентября 1972 года).

Ни Север, ни Юг оказались не готовы к этим стратегическим подвижкам. Опасаясь, что судьба Кореи может быть решена вопреки их воле, они были вынуждены искать решения, адекватные переменам в мире [6].

В 1990 году между руководителями правительств Северной и Южной Кореи прошли первые за сорок пять лет разделения переговоры. В 1991 году КНДР и РК одновременно стали государствами-членами Организации Объединенных Наций (ООН). Важность этого факта нельзя недооценивать, так как он означал фактическое признание мировым сообществом существования на Корейском полуострове двух независимых государств.

Вышеуказанный факт также имел огромное значение для развития китайско-южнокорейских отношений, так как Китай впервые открыто признал существование такого политического образования, как Республика Корея. Признание Южной и Северной Кореи независимыми государствами дало юридическую базу для продвижения китайско-южнокорейских отношений, так как сам Китай был связан союзническими соглашениями и обязательствами с Северной Кореей, и дабы сохранить status quo в отношениях с Севером, ему необходима была эта юридическая основа [7].

Однако кульминацией «потепления отношений» между Севером и Югом стали переговоры на уровне премьер-министров, которые проходили в декабре 1991 года. Они завершились подписанием «Соглашения о перемирии, взаимном ненападении, сотрудничестве и обменах», в котором стороны впервые признали суверенитет друг друга, как и сам факт существования на полуострове двух государств. Вслед за этим соглашением были опубликованы другие документы, сыгравшие важную роль в процессе разрядки на полуострове. Среди них «Декларация между Севером и Югом о безъядерном статусе Корейского полуострова» от 31 декабря 1991 года, «Соглашение о передаче ядерных объектов КНДР под контроль МАГАТЭ» от 30 января 1992 года, заявление президента РК от 18 декабря 1991 года об отсутствии на территории страны ядерного оружия [6, с. 384–385].

Тайваньский фактор. В процессе обсуждения китайским руководством вопроса о возможности нормализации отношений между Китаем и Южной Кореей одним из основных факторов, подтверждающих целесообразность данного действия, была возможность разрыва отношений между РК и Тайванем. С 1989 года Тайвань, пользуясь благоприятным для себя положением, а именно, разногласиями между КНР и Западом, провел удачные внешнеполи-

тические маневры и добился своего признания восьмью государствами мира, что явилось серьезным ударом для Пекина [8].

Поэтому установление официальных дипломатических отношений между Китаем и РК должно было способствовать международной изоляции Тайваня.

Бывший министр иностранных дел КНР Цзянь Цичэнь (Qian Qichen) во время обсуждения данного вопроса в ЦК КПК отметил: дословно «установление дипломатических отношений с Республикой Корея, это все равно что «убить четырех птиц одним камнем»: во-первых, это усилит дипломатическую изоляцию Тайваня; во-вторых, расширит экономическое сотрудничество с РК; в-третьих, уменьшит нескончаемые запросы о помощи со стороны КНДР; в-четвертых, даст возможность КНР для противостояния той политике, которую проводит США по отношению к Китаю» [9].

Иными словами, руководство КНР рассчитывало путем установления дипломатических отношений с Южной Кореей продвинуться в решении такого важного для себя вопроса, как международная изоляция Тайваня.

Нормализация отношений между Республикой Кореей и СССР. Хотя Китай и претендовал на роль регионального лидера, однако в таком важном вопросе он все же старался идти на «два шага позади» Советского Союза, так как складывалась такая ситуация, при которой Китай оставался фактически единственным влиятельным союзником КНДР не только в регионе Северо-Восточной Азии, но и во всем мире. А этот факт, как было грамотно предугадано китайскими экспертами, позволил на том этапе и после него увеличить влияние КНР на международной арене.

Что же касается южнокорейской стороны, то ключевыми факторами, которые подтолкнули ее к улучшению отношений с Китаем, были следующие:

Проведение Южной Кореей «Северной дипломатии». 25 февраля 1988 года Ро Дэ У (Roh Tae-woo) после своего избрания на пост президента Республики Корея отметил в своем послании следующее: «Мы должны расширять пути международного сотрудничества посредством установления связей с теми государствами, с которыми этого не было сделано. Южной Корее необходимо активно продвигать «Северную дипломатию», а также развивать отношения с теми странами, с которыми у РК есть идеологические расхождения, а также различия в общественно-политических системах. Это окажет огромное влияние на стабильность, мир и процветание в Восточной Азии» [10]. Таким образом, официальный Сеул дал понять, что он привержен стремлению к нормализации отношений с КНР, СССР и другими странами социалистического блока.

Вслед за этим Республика Корея предпринимает конкретные внешнеполитические действия: в феврале 1989 года были установлены дипломатические отношения с Венгрией, в ноябре и декабре того же года – с Польшей и Югославией, в марте 1990 года – с Чехословакией, Болгарией и Румынией, а в сентябре – с СССР.

Во время проведения Азиатских игр в Пекине (сентябрь 1990 года) правительство Республики Корея, чтобы показать свою поддержку китайской стороне, согласилось предоставить 20 процентов от всех финансовых затрат на проведение данных соревнований. За время проведения соревнований Китай посетило около четырех тысяч южнокорейских туристов, а число спортсменов, принявших участие в соревнованиях, превысило 700 человек [7, с. 187]. Непосредственное участие делегации Южной Кореи в Азиатских играх 1990 года стало важным внешнеполитическим шагом, так как на начало 1990-х гг. приходится резкое охлаждение китайско-американских отношений. На фоне этого РК продемонстрировала реальную возможность сотрудничества вне зависимости от отношений между КНР и странами Запада.

В результате правительство КНР официально объявило об «открытии» семи городов и районов провинции Шаньдун для сотрудничества с южнокорейскими партнерами в инвестиционной сфере. В 1990 году происходит открытие прямого морского сообщения между КНР и РК, что приводит к увеличению товарооборота. Так, если товарооборот между двумя странами в 1979 году составлял 18,8 млн. долларов США, то в 1991 году этот показатель вырос до 5,81 млрд. долларов США [11].

Экономический фактор. Республика Корея обладает сравнительно маленькой территорией, большой плотностью населения, небольшим количеством природных ресурсов. Для поддержания и развития того экономического успеха, которого Республика Корея добилась в последней четверти XX века, ей было необходимо принять новую стратегию развития, найдя при этом нового экономического партнера, новый рынок, также доступ к новым природным ресурсам. И именно Китай стал наиболее подходящим партнером, который соответствовал вышеперечисленным критериям.

Развитие новых внешнеэкономических связей со стороны Республики Корея стало определенным историческим шансом улучшения отношений между двумя государствами. Но вследствие специфичности отношений между КНР и КНДР развитие экономического сотрудничества между двумя странами (КНР и РК) столкнулось с рядом вопросов. Так, к примеру, для того, чтобы избежать протестов со стороны Северной Кореи, китайским импортерам южнокорейской продукции приходилось давать заведомо ложную информацию о стране происхождения товара либо вообще на товарах срывались этикетки южнокорейских торговых марок.

Политический фактор и фактор безопасности. Китай не только является государством-соседом Южной Кореи, он также является постоянным членом СБ ООН, державой, которая играет немаловажную роль в международных отношениях. Поэтому при нормализации отношений Республика Корея укрепляла и свои международные позиции. К тому же КНР является чуть ли не единственным союзником Северной Кореи, и ее влияния на эту страну достаточно велико. Исходя из вышесказанного, южнокорейская сторона рассчитывала на возможность оказания определенного влияния на Север через Китай, тем самым разряжая непростую ситуацию на полуострове. Именно поэтому президент Республики Корея Ро Дэ У (Roh Tae-woo) неоднократно подчеркивал, что «Южная Корея, только открыв для себя ворота Китая, сможет открыть ворота Северной Кореи» [12].

В то же время, установив дипломатические отношения с КНР, Южная Корея смогла бы получить дополнительную возможность сдерживания Японии в СВА. И, как показали дальнейшие события, по данному вопросу позиции РК и Китая во многом схожи. Примером этому может послужить общее недовольство корейской и китайской сторон по «историческим вопросам», по «вопросу постоянного членства Японии в СБ ООН» и др.

Исторические и культурные связи. С древности Китай оказывал огромное влияние на Корею не только в политическом, военном, но также и культурном отношении. Китайское конфуцианство, с его добродетелями, такими, как почитание старших и любовь к детям, гуманность, трудолюбие и бережливость, стало частью корейской культуры. На сегодняшний день более трех тысяч иероглифов используется в корейской письменности.

Для Кореи стали традиционны такие китайские праздники, как праздник весны (Новый год по лунному календарю), праздник «Дуанью», праздник Луны и другие. В Новое время китайцев и корейцев объединяло противостояние Японии. Хотя этот аспект отношений между государствами не стал решающим в вопросе установления дипломатических отношений, однако, после ос-

лабления напряженности он стал определенным катализатором развития межчеловеческого и культурного обменов. Это свидетельствует об отсутствии предубеждений у современных корейцев, которые видят в Китае не «исторического врага и деспотичного правителя», а государство, которое имеет с Кореей исторически сложившиеся отношения.

Таким образом, к началу 1990-х годов созрели предпосылки для установления отношений между двумя государствами. Отличительной особенностью данных предпосылок явилась их комплексность, эволюционный ход развития, а также соответствие общемировым тенденциям. Хотя Китаем и Южной Кореей неоднократно отмечалось, что между ними существуют различия в социальном строе, в идеологии, а также достаточно продолжительный этап взаимного антагонизма, однако обе стороны нашли ту модель межгосударственного взаимодействия, которая позволила, отставив основные принципы внешнеполитических курсов двух стран, добиться интенсификации экономического, а впоследствии и политического сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Китай в мировой политике*. – М., 2001. – С. 45–46.
2. *КНР. Конституция и законодательные акты* / Пер. с китайского. – М., 1984. – С. 7.
3. *Дандай Чжунхань вайцзяо* (Китайско-южнокорейская дипломатия Новейшего времени) / Под ред. *Хань Нянлуна*. – Пекин, 1988. – С. 340.
4. *IlPyong J. Kim, Hong Pyo Lee, eds. Korea and China in a New World: Beyond Normalization*. – Seoul, 1993. – P. 273.
5. *Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом* / Отв. ред. *Г.И. Чуфрин*. – М., 2004. – С. 80.
6. *История Кореи* (Новое прочтение) / Под ред. *А.В. Торкунова*. – М., 2003. – С. 382–383.
7. *Сун Чэню*. Чжунхань гуаньсиши (сяньдайцзюань). (История китайско-южнокорейских отношений (новейший период), Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 1997. – С. 208.
8. «Чжунго шибэо» (Тайбэй), 1992, – 11 октября. – С.4.
9. *Samuel S. Kim. The Making of China's Korea Policy in the Era of Reform/edited by David M. Lampton, The Making of China's Foreign and Security Policy in the Era of Reform, 1978–2000. Stanford, California, 2001. – P. 382.*
10. *Лю Цзиньчжи*. Чаосянь баньдао туни вэньти юй Чжунго чжэнцэ (Вопрос объединения на Корейском полуострове и политика Китая) // Гоцзи чжэнчжи яньцзю, 1995, № 4. – С. 19.
11. *Хоу Шанчжи*. Кун Цинтун Ханьго Гайлань (Общий обзор по Республике Корея). – Пекин, 1996. – С. 96.
12. *Цуэй Чжиин, Сюй И*. Ханьго дуэй хуа чжэнцэдэ хуэйгу юй чжаньван. (Исторический обзор и перспективы политики РК в отношении Китая) // Ханьго яньцзю луньцун» (ди эр ци) (сборник статей по вопросам изучения РК) (второй выпуск). Шанхай Жэньминь чубаньшэ, 2002. – С. 29.

S U M M A R Y

In the article the author analyses the historical background of the establishment of diplomatic relations between the People's Republic of China and the Republic of Korea.

Поступила в редакцию 24.10.2005